

Общественные институты и экономическое развитие: исследование взаимосвязи на примере стран Латинской Америки, Африки и Азии

В. А. Воронин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Воронин В. А. Общественные институты и экономическое развитие: исследование взаимосвязи на примере стран Латинской Америки, Африки и Азии // Вестник СНО Санкт-Петербургского университета. Науки об обществе. 2024. Т. 1. Вып. 1. С. 101–117.
<https://doi.org/10.21638/spbu36.2024.107>

В статье рассматривается проблема воздействия общественных институтов на экономическое развитие ряда стран Латинской Америки, Африки и Азии. Степень взаимосвязи этих двух факторов определяется посредством построения корреляционных графиков и расчета значения корреляции между индексом экономической свободы (ИЭС) и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Производится обоснование релевантности выбранных показателей. Вначале в расчет включаются все страны выборки, затем для исследования взаимосвязи данных показателей в динамике — страны, которые значимо выбиваются из корреляции. Осуществляется анализ основных положений исторического направления неоинституциональной теории, в контексте которых анализируются конкретные региональные кейсы. Для более подробного изучения корреляционных расхождений в азиатском кейсе были взяты Китай, Индия и Индонезия; в африканском — Египет, Алжир, Нигерия, Эфиопия, Танзания, в латиноамериканском — Аргентина, Перу, Колумбия и Мексика. Данная часть исследования показала, что при более низком уровне экономической свободы экономика государства может демонстрировать более высокие темпы экономического роста, чем в соседних странах. Эмпирическая часть исследования заканчивается построением графика, отражающего динамику соотношения ИЭС и ВВП на душу населения по паритету покупательной способности за 14 лет (2009–2022 гг.). Количественное исследование показало, что экономическая свобода не является главной доминантой уровня экономического развития и темпов роста производства. Дискуссионная часть включает в себя презентацию альтернативных направлений в экономической теории, которые выделяют другие факторы и доминанты роста производства и экономического развития в целом.

Ключевые слова: институты, экстрактивность, экономическая свобода, реальное производство, валовый внутренний продукт, корреляция, экономический рост.

Введение

С крушением социалистической системы либеральная модель развития стала восприниматься международным интеллектуальным сообществом как наилучший способ обеспечения политической стабильности и экономического роста. Страны «неприсоединения», а также государства бывшего «красного блока» начали актив-

но перенимать институты западного образца. Казалось, что вслед за западным институтами в скором времени будет достигнут и соответствующий уровень жизни. Однако спустя более чем 30 лет мировое неравенство между странами лишь усилилось. ВВП на душу населения в большинстве стран Латинской Америки, Азии и Африки в разы ниже, чем в США, Канаде, Европе и Австралии. В то же время успехи отдельных стран, таких как Израиль, Япония или Южная Корея, произошедшие во второй половине XX века, всё ещё активно используются сторонниками неоинституциональной теории исключительно для обоснования влияния либерально-демократических институтов на экономическое развитие.

Неоинституционализм является достаточно широким подходом и охватывает несколько направлений. Согласно институционализму рационального выбора Д. Норта, институты выступают в качестве механизма снижения транзакционных издержек (Норт, 1997). В рамках исторического институционализма А. Робинсона и Д. Аджемоглу институты рассматриваются как доминанта последующего развития государства (Аджемоглу, Робинсон, 2023). Эффективные (инклюзивные) институты способствуют быстрому экономическому развитию, а неэффективные (экстрактивные) его тормозят. Институты включают в себя организации, юридические нормы и неформальные правила (Аджемоглу, Робинсон, 2023). Образцовыми и эффективными они считаются в случае, если функционируют в соответствии с принципами свободы, равенства возможностей, законности, открытости, гуманизма и т. д.

Научно-технический фактор (который провозглашается как основной, например, в мир-системном анализе) в неоинституционализме является производным от институтов, обеспечивающих свободу предпринимательства, гарантию прав собственности и конкуренцию. Так ли это на самом деле? Вполне можно допустить, что институты могут быть первичны в ряде отдельных случаев. Однако насколько такая теоретическая модель релевантна для всех государств мира в целом?

В статье взаимозависимость инклюзивных институтов и экономического роста рассматривается на примере ряда государств Латинской Америки, Африки и Азии. Отсюда — практическая значимость исследования. Действительно ли либеральная модель сможет обеспечить долговременный экономический рост и политическую устойчивость в любой стране мира?

Объектом исследования выступают некоторые страны Латинской Америки, Африки и Азии. Предмет исследования — взаимосвязь общественных институтов этих стран с их экономическим ростом.

Цель исследования — определение степени взаимосвязи инклюзивности институтов и развитости экономики в отдельных странах Востока и глобального Юга.

В исследовании выдвигается гипотеза о том, что *инклюзивность институтов не всегда является главным фактором, влияющим на уровень экономического развития стран.*

Методы

В настоящей работе взаимосвязь показателей, свидетельствующих о развитости как институтов, так и экономики стран, исследуется с помощью метода корреляции — сопоставления производственных показателей с уровнем продвинутости институтов.

Для исследования были отобраны по 11 государств Латинской Америки, Африки и Азии по следующим показателям:

- самые населенные страны каждого региона — 5;
- самые богатые страны каждого континента, исходя из показателя ВВП на душу населения (д.н.) по паритету покупательной способности (ППС), — 3;
- самые бедные страны каждого континента, исходя из показателя ВВП на душу населения по ППС, — 3.

Для того чтобы избежать попадания в выборку стран, являющихся преимущественно оффшорными зонами или торговыми хабами (живущими только за счет финансовых сборов), для каждого региона был введен минимальный порог по населению. Следовательно, в выборку должны были войти страны, немалые по численности и имеющие собственное производство товаров и услуг. Так, среди стран Латинской Америки были отобраны государства с населением более 3 млн человек, Африки — более 5,5 млн человек, Азии — более 16 млн человек.

Таким образом, выборку исследования составили Бразилия, Мексика, Аргентина, Колумбия, Перу, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Панама, Чили, Уругвай, Нигерия, Эфиопия, Египет, Демократическая Республика Конго, Танзания, Бурунди, Центральнаяафриканская республика, Южноафриканская республика, Алжир, Китай, Индия, Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Камбоджа, Непал, Мьянма, Саудовская Аравия, Южная Корея, Япония. Египет и Конго попали в выборку по двум критериям одновременно.

Общее количество стран в выборке — 31. В нее не вошли государства, которые не включены в индекс экономической свободы (ИЭС), так как данный показатель является основным в исследовании.

Результаты

Вначале для рассмотрения взаимосвязи институтов и уровня экономического развития посредством корреляционного анализа были взяты два показателя — ВВП на душу населения по паритету покупательной способности и индекс экономической свободы. ВВП на душу населения по ППС иллюстрирует количество произведенных благ внутри страны с поправкой на численность населения и разницу в валютных курсах, т. е. максимально приближен к реальному производству товаров и услуг¹.

В свою очередь, индекс экономической свободы является комплексным показателем, характеризующим работу институтов — как рыночных, так и государственных. В него входит оценка эффективности юридической системы, грамотности и умеренности правительственного регулирования и свободы экономической деятельности (всего 12 компонентов). По данному показателю будет оцениваться инклюзивность функционирующих в стране социально-экономических институтов. Ведь экономическая свобода (право и возможность человека улучшать свою жизнь собственными действиями и усилиями) — это то, что обеспечивается, согласно Д. Аджемоглу и Д. Робинсону, эффективной работой институтов (Аджемоглу, Робинсон, 2023).

¹ The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024).

**Таблица. Значения показателей ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения
в странах выборки, 2022 г.**

Страна	ИЭС	ВВП на д. н. по ППС, долл. США
Бразилия	53,3	17 827
Мексика	63,7	22 298
Аргентина	50,1	26 530
Колумбия	65,1	20 268
Перу	66,5	15 052
Гаити	50	3 306
Гондурас	59,5	6 743
Никарагуа	54,8	6 877
Панама	65,4	39 292
Уругвай	70	28 851
Чили	74,4	30 208
Нигерия	54,4	5 862
Эфиопия	49,6	2 812
Египет	49,1	15 096
Демократическая Республика Конго	47,6	1 337
Танзания	59,5	3 099
Бурундия	39,4	836
ЦАР	45,7	973
ЮАР	56,2	15 920
Алжир	45,8	13 226
Китай	48	21 482
Индия	53,9	8 400
Индонезия	64,4	14 657
Пакистан	48,8	6 351
Бангладеш	52,7	7 397
Камбоджа	57,1	1 759
Непал	49,7	4 726
Мьянма	49,6	5 019
Япония	69,6	45 583
Саудовская Аравия	55,5	59 272
Южная Корея	74,6	50 330

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

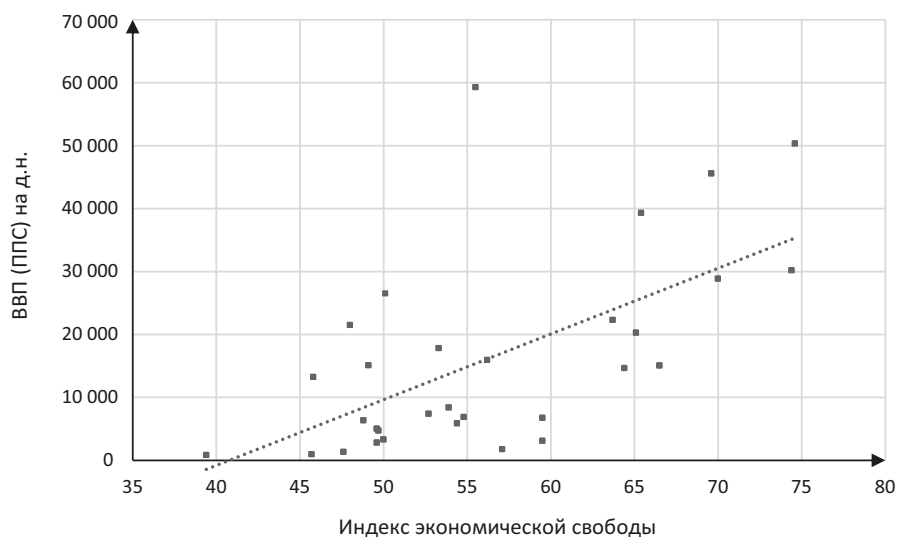

Рис. 1. График точечной корреляции ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения: страны выборки, 2022 год

Примечание: линия тренда показана пунктиром.

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

Временной интервал исследования составляет 28 лет, с 1995 по 2022 год. Именно с 1995 года издания Wall Street Journal и Heritage Foundation начали совместно рассчитывать индекс экономической свободы².

В таблице представлены значения ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения в рассматриваемых странах.

На рис. 1 представлен точечный график корреляции ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения, который показывает достаточно широкий разброс данных по исследуемым странам.

Как видно, линия тренда недостаточно явная. Коэффициент корреляции (по формуле Пирсона) составил 0,615. Это свидетельствует о том, что между ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения существует умеренная (согласно градации Спирмена) положительная корреляция.

На рис. 1 показано достаточно много серьезных отклонений от трендовой линии. Так, например, Аргентина (индекс экономической свободы — 50,1) располагает в 1,7 раз большим ВВП (ППС) на душу населения, чем Перу (индекс экономической свободы — 66,5). При этом данные государства имеют схожее географическое положение, близкие друг другу культуры, а также им обоим в наследство от Испанской империи достались экстрактивные институты, коррупция, кумовство и т. д. В то же время уровень экономической свободы выше в более бедном государстве.

² Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

стве Перу. Это не только не объясняет такую разницу между странами-соседями, но и вносит в рассматриваемый вопрос дополнительную неопределенность. Ответ на него частично может состоять в том, что Аргентина имеет более диверсифицированное производство и доля высокотехнологичного, инновационного сектора в структуре ее экономики выше. Перу, в свою очередь, остается более аграрной страной.

Одной из слабых сторон неоинституциональной теории является недооценка технологического фактора, который рассматривается как вторичный многими исследователями данного направления. Для сравнения: вычисленный по аналогии коэффициент корреляции между ВВП по ППС на душу населения и глобальным индексом инноваций составил уже 0,684 (с необходимой поправкой: Гаити, Никарагуа, Демократическая республика Конго, Бурунди и Центральнаяафриканская республика в выборку включены не были, так как их нет в списке Глобального индекса инноваций³). Данный уровень тоже нельзя назвать высоким, однако корреляция ВВП с уровнем инновационного развития оказалась на 10 % выше, чем с комплексным показателем экономической свободы. Соответственно, вести речь о том, что экономическая свобода является основным и первичным фактором, определяющим экономические успехи государства, в настоящее время не приходится.

Для более детального изучения проблемы целесообразно остановиться на развитии институтов и экономики некоторых перечисленных стран в динамике. При этом необходимо рассмотреть ряд положений неоинституциональной теории.

Одни из наиболее развитых государств Юго-Восточной Азии — Япония и Южная Корея — представлены как страны, успех которых обусловлен совершенствованием институтов и заимствованием западного политического и правового опыта (Аджемоглу, Робинсон, 2023). Однако многие исследователи связывают их «экономическое чудо» со всесторонней помощью США (развитием научно-технического сотрудничества, наличием финансовой помощи и торговых привилегий в обмен на политическую лояльность).

Для разбора «азиатского кейса» в рамках исследования были взяты три страны с наибольшим количеством населения — Китай, Индия и Индонезия. Эти государства отстаивали свою независимость от западных стран в середине XX в. достаточно радикально, в том числе и силовым путем. Следовательно, утверждение о том, что их экономическое развитие обусловлено не институтами, а дружбой с Западом, гораздо менее обосновано. Также данные государства имеют сильные армии и стабильные независимые политические системы, что свидетельствует об их реальном суверенитете.

На рис. 2 показана динамика индекса экономической свободы в Китае, Индии, Индонезии в период с 1995 по 2022 год.

В указанный период наиболее высокий показатель индекса экономической свободы был в Индонезии в диапазоне от 51,9 до 67,2 баллов (в среднем — 58,2). В Китае этот «размах» составил 48,8–59,5 баллов (в среднем — 53,5), в Индии — 45,1–56,2 баллов (в среднем — 52,7).

В случае, если экономическая свобода выступает главным фактором экономического роста, то с большой долей вероятности ее высокий уровень должен обе-

³ Global Innovation Index 2022. What is the future of innovation-driven growth? // WIPO. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2022/ (дата обращения: 10.01.2024).

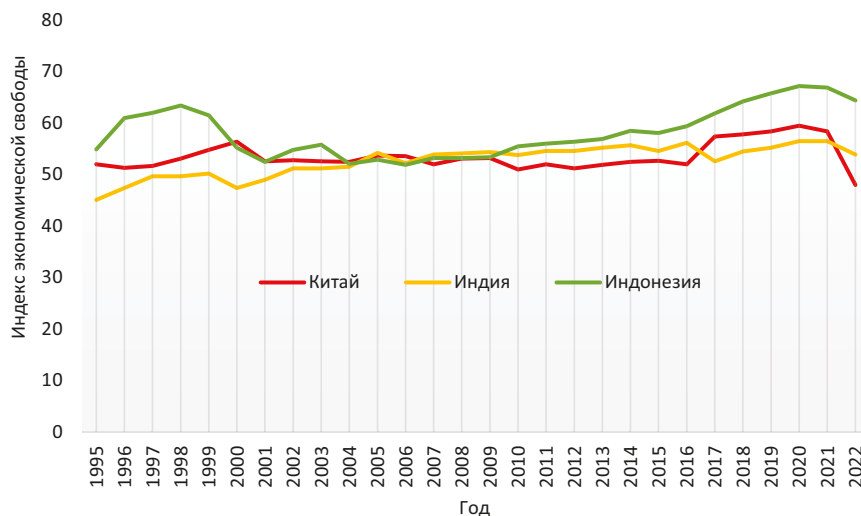

Рис. 2. Динамика индекса экономической свободы:
Китай, Индия, Индонезия, 1995–2022 годы

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$)
| Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024).

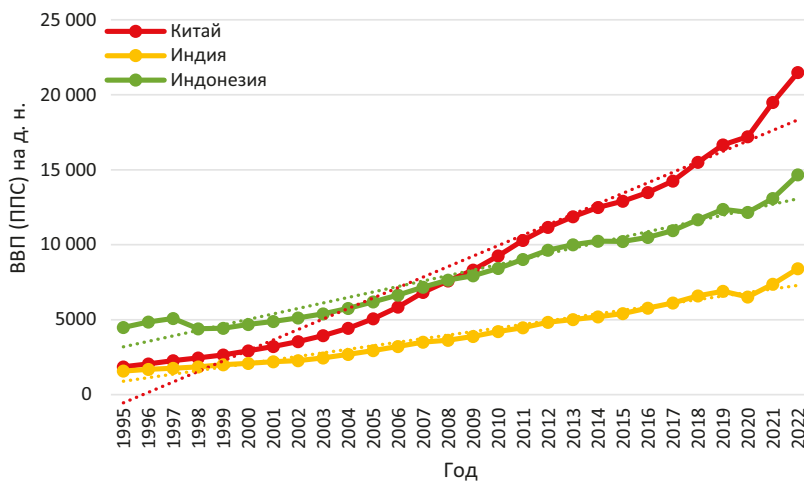

Рис. 3. Рост ВВП (ППС) на душу населения:
Китай, Индия, Индонезия, 1995–2022 годы

Примечание: пунктирные линии соответствуют линии тренда.

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$)
| Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

спечивать и соответствующий уровень производства товаров и услуг на душу населения. Рассматривается именно подушевой объем ВВП по ППС, благодаря чему можно нивелировать статистическое влияние экстенсивной (за счет роста населения) составляющей экономического развития.

Рост ВВП (ППС) на душу населения в Китае, Индии и Индонезии в 1995–2022 годы показан на рис. 3.

При сравнении Индонезии и Индии взаимосвязь подушевого роста ВВП (ППС) с индексом экономической свободы достаточно заметна. В то же время из этой корреляции достаточно серьезно выбивается Китай. В сопоставлении с Индией китайский подушевой ВВП (ППС) увеличился более чем вдвое при почти одинаковом среднем показателе экономической свободы. Индонезия же в среднем имела гораздо большую экономическую свободу. Вместе с тем в паритетном денежном выражении на душу населения экономика Китая выросла на 1154 %, а Индонезии — лишь на 326 %.

В работе (Аджемоглу, Робинсон, 2023) по результатам анализа экономики США и Мексики, Южной Кореи и Северной Кореи доказывается, что географическое положение страны достаточно слабо, по сравнению с институтами, влияет на ее экономическое развитие. Однако Африка является континентом, на примере которого можно доказать если не ложность, то в какой-то степени узость данного суждения. В выборку африканских стран, которая составлялась по географическому признаку, попали Египет, Алжир, Нигерия, Эфиопия, Танзания. Египет и Алжир — страны, находящиеся на севере Африки, располагающиеся ближе остальных к развитым государствам Европы и имеющие выход к Средиземному морю. Южнее, у Гвинейского залива, находится Нигерия, а ближе к Аравийскому полуострову — Эфиопия, которая и вовсе не имеет выхода к морю. Наиболее южная из всех стран — Танзания.

Средние значения ИЭС для Египта, Алжира, Нигерии, Эфиопии и Танзании в 1995–2022 годы приведены на рис. 4.

Среднее значение ИЭС в Египте составило 54,5, Алжире — 53, Нигерии — 53,7, Эфиопии — 50,6, в Танзании — 58,2. В основном это не коррелирует с уровнем богатства/бедности представленных стран (рис. 5).

Как видно, наибольшее расхождение между рассматриваемыми показателями наблюдается в Танзании. Имея самый высокий уровень экономической свободы на протяжении почти всего периода, она осталась очень бедной страной со средними (относительно выборки) темпами роста экономики. ВВП (ППС) на душу населения вырос в Танзании за 28 лет на 317 %. Самая «экономически несвободная» Эфиопия к 2022 году почти догнала Танзанию по этому показателю, а за представленный период ее богатство на душу населения увеличилось на 687 %. Относительно Египта и Алжира развитие Эфиопии трудно назвать успешным, так как в абсолютных величинах разрыв между ними только возрос.

Также существует серьезное расхождение между Египтом и Нигерией. Эти страны, имевшие в 1995 году достаточно схожие показатели экономической свободы, отличаются по уровню развития материального производства, который в Египте ранее был выше более чем вдвое. В 2010–2022 годы экономическая свобода Нигерии оценивается особенно высоко за весь рассматриваемый временной интервал. Уровень экономической свободы в Египте, как отмечалось, снижался. Вместе с тем экономический рост Нигерии в 2015–2017 годы и вовсе оказался отрицательным.

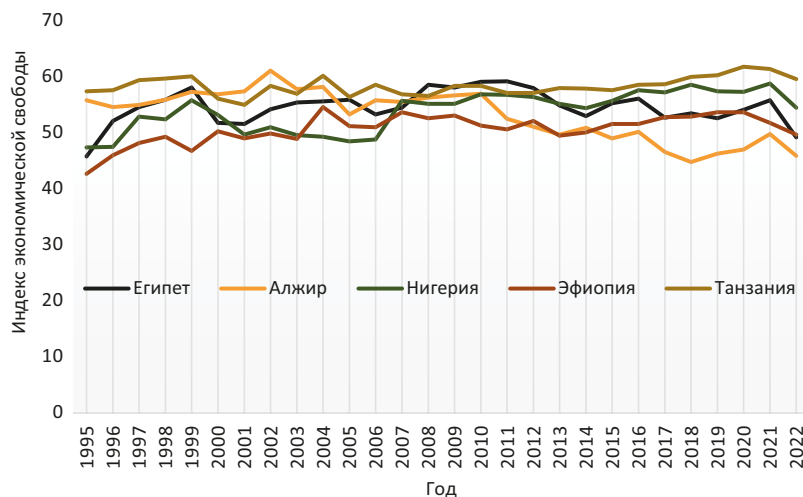

Рис. 4. Динамика индекса экономической свободы:
Египет, Алжир, Нигерия, Эфиопия, Танзания, 1995–2022 годы

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

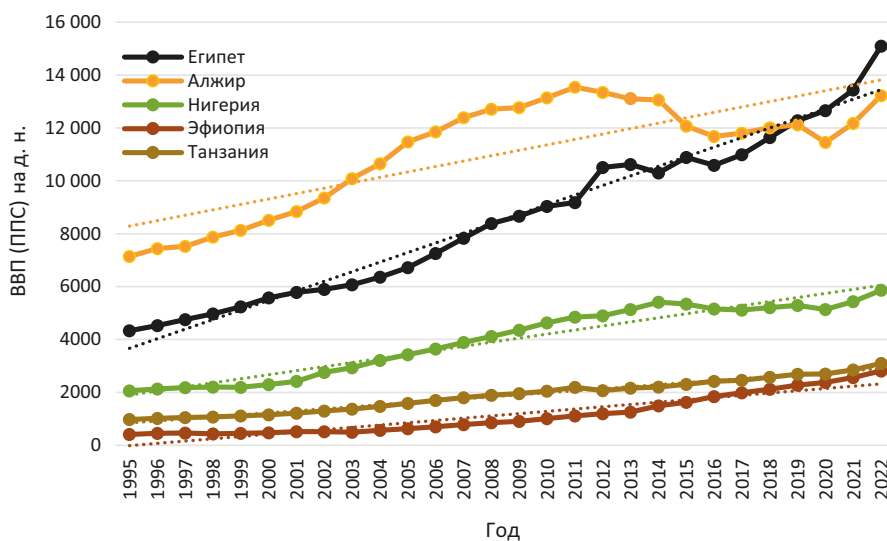

Рис. 5. Рост ВВП (ППС) на душу населения:
Египет, Алжир, Нигерия, Эфиопия, Танзания, 1995–2022 годы

Примечание: пунктиром обозначены трендовые линии.

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

На уровень ВВП (ППС) на душу населения 2014 года страна вернулась лишь семь лет спустя. Египетская же экономика начиная с 2016 года росла наиболее быстрыми темпами.

Необходимо подчеркнуть, что незначительное расхождение по ИЭС никак не объясняет столь существенную разницу (в том числе и изначальную) в экономическом развитии стран Северной Африки и государств южной части континента. Все это подтверждает другую позицию, согласно которой относительное благополучие североафриканских стран обусловлено близостью к европейским рынкам и наличием залежей полезных ископаемых.

Среди выбранных государств Латинской Америки страны с высоким уровнем экономической свободы (Чили, Панама, Уругвай) являются также наиболее богатыми. Однако среди стран среднего достатка и бедных снова заметны значительные несоответствия двух сопоставляемых показателей. Для демонстрации некоторых расхождений были рассмотрены Аргентина, Перу, Бразилия и Гондурас в 1995–2022 годы (рис. 6).

На рис. 6 показано, что Бразилия значимо выделяется с наименьшим индексом экономической свободы, однако ВВП (ППС) на душу населения в стране немногим меньше, чем у Аргентины (8 и 9,9 тыс. долл. соответственно). Аргентина в 1995 году имела самый высокий ИЭС, но на протяжении почти всех 28 лет он снижался. Вместе с тем это не стало препятствием для достаточно динамичного роста материального производства. Разница по ВВП (ППС) на душу населения в этой стране увеличилась, по сравнению с Перу, в два раза, с Бразилией — в четыре, с Гондурасом — почти в три раза. Как и в случае с африканскими странами, несоответствия между показателями видны еще в начале периода с 1995 по 2022 год (рис. 6, 7).

В свою очередь, разница в ВВП на душу населения по ППС между Бразилией и Перу сократилась, что в целом соответствует различию по ИЭС этих государств (рис. 7). Однако нельзя утверждать, что главным фактором даже в этом случае является экономическая свобода, так как у экономик с низким ВВП и большим населением, как правило, есть достаточный потенциал для высокого относительного уровня экономического роста (как правило, экстенсивного).

Наибольшее несоответствие между индексом экономической свободы и уровнем ВВП (ППС) на душу населения продемонстрировал Гондурас. Имея больший ИЭС (58,1), чем у Аргентины и Бразилии, эта страна так и осталась бедной даже по меркам Латинской Америки.

Целесообразно показать динамику влияния экономической свободы на богатство всех стран выборки в 2009–2022 годы (рис. 8).

Для исследования взят период с 2009 по 2022 год, так как до этого времени информация об уровне экономической свободы некоторых стран выборки не отслеживалась. Примечательно, что начало интервала, представленного на рис. 8, почти совпадает с выходом работы (Аджемоглу, Робинсон, 2023).

В течение 14 лет (с 2009 по 2022 год) высокая положительная корреляция между ИЭС и ВВП по ППС на душу населения наблюдалась только в 2021 году и составила 0,739 (высоким считается индекс корреляции, начинающийся со значения 0,71 и выше). Среднее значение индекса за этот период — 0,634 (корреляция заметная, но не высокая). В отдельные годы индекс корреляции достигал сравнительно низких значений — 0,57–0,58.

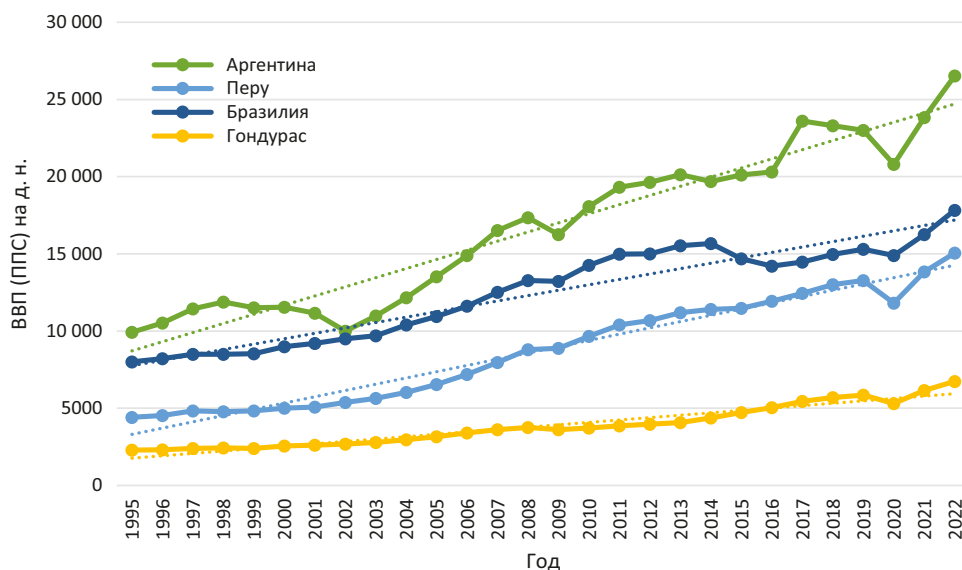

Рис. 6. Рост ВВП (ППС) на душу населения:
Аргентина, Перу, Бразилия, Гондурас, 1995–2022 годы

Примечание: пунктиром обозначены трендовые линии.

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

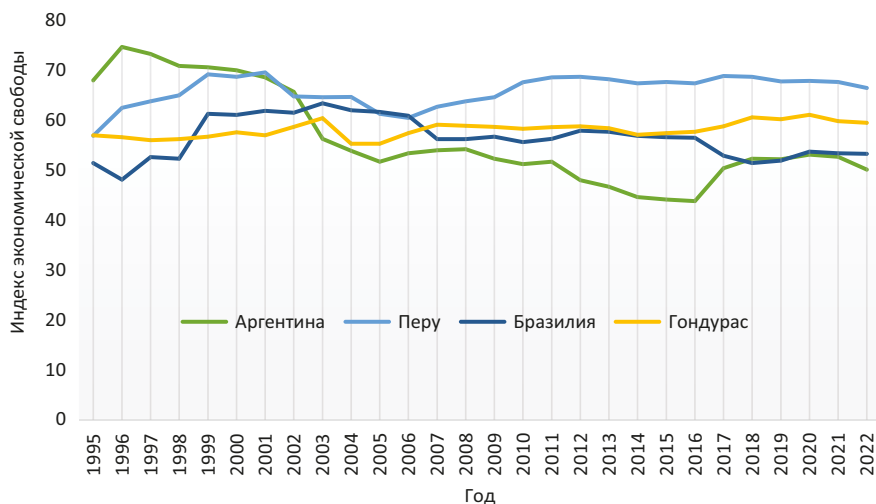

Рис. 7. Динамика индекса экономической свободы:
Аргентина, Перу, Бразилия и Гондурас, 1995–2022 годы

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // heritage.org. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

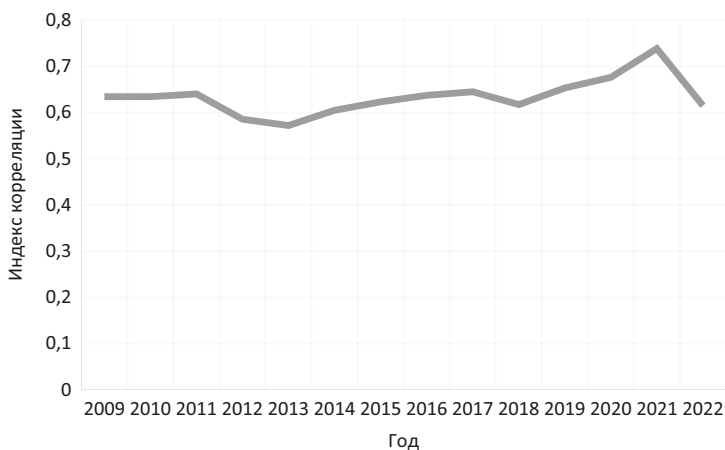

Рис. 8. Динамика индекса корреляции ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения: все страны выборки, 2009–2022 годы

Составлено по: The World Bank. GDP per capita, PPP (current international \$) | Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 10.01.2024); Index of Economic Freedom // [heritage.org](https://www.heritage.org/index/). URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.01.2024).

Таким образом, в государствах представленной выборки высокая устойчивая долговременная корреляция между индексом экономической свободы и уровнем ВВП по паритету покупательной способности на душу населения не выявлена. В абсолютном большинстве случаев корреляция принимала средние (заметные) значения. Экономическую свободу обеспечивают общественные институты, поэтому между богатством/бедностью страны и уровнем развития инклюзивности институтов корреляция также не характеризуется как высокая.

Дискуссия

Различные теории дают различное объяснение предпосылок или причин быстрого роста производства благ. Помимо работоспособности институтов, важную связь с экономическим развитием страны имеют и другие факторы.

Так, школа мир-системного анализа рассматривает неравенство стран как следствие технологической продвинутости одних из них и отсталости других. И. Валлерстайн указывает, что бедные страны, как правило, являются экспортерами сырья, которое на рынке ценится ниже, чем продукция, требующая наукоемкого производства (Валлерстайн, 2020). Вне зависимости от уровня развития институтов экономика, создающая преимущественно простые товары (в основном сельскохозяйственные и энергетические), не сможет избежать ловушки среднего дохода, так как находится в состоянии высокой конкуренции с другими странами-экспортерами. Не имея возможности поднимать издержки, т. е. зарплаты рабочих, бизнес не будет положительно повлиять и на устойчивый внутренний спрос. В таких условиях важна не экономическая свобода рыночных акторов,

более значимым становится грамотное государственное вмешательство (Валлерстайн, 2020).

Самая радикальная часть сторонников мир-системного подхода и вовсе утверждает, что неолиберальный миропорядок, наряду с открытыми границами и свободной торговлей, выгоден лишь США и остальным странам мирового «центра». Благодаря навязанным странам периферии и полупериферии правилам развитые либеральные страны сговариваются с местными элитами, распространяют свое идейное влияние, добиваются выгодных для себя условий торговли (Амин, 2007). В случае, если на какие-то неблагоприятные для «центра» процессы повлиять мирным путем невозможно, США и НАТО используют военную силу, в которой имеют такое же превосходство, как и в технологиях, на чем С. Амин сделал особенный акцент. Однако страны, позаимствовавшие в конце XX в. формальные западные институты, не только не догнали «глобальный север» по уровню развития, но и в большинстве своем отстали от него еще значительно (Амин, 2007).

Необходимость государственного регулирования экономики обосновывал в своей работе и Дж. Кейнс. Рассматривая экономические процессы как трату денег со стороны потребителей и заработок производителей, ученый говорил о необходимости стимулирования эффективного спроса. Предприниматели в своей деятельности руководствуются извлечением прибыли, поэтому достижение уровня предельной эффективности капитала не позволяет бизнесу создавать новые рабочие места и увеличивать спрос. Эта проблема решается посредством вмешательства государства, а именно — создания новых рабочих мест за счет дополнительных финансовых затрат (Кейнс, 2007). Примечательно, что второй половине XX в. кейнсианская модель, подкрепленная обширными социальными программами, использовалась в большинстве развитых либеральных стран.

Идею государственного вмешательства в экономическую сферу отстаивает также и неошумпетерианство. Экономист Э. Райнерт критикует теорию сравнительных преимуществ и свободную торговлю, навязываемую богатыми странами бедным. На примере истории Англии и США исследователь доказывает, что для обеспечения высокого уровня жизни необходимо собственное развитое промышленное производство. Этого можно достичь посредством грамотной инвестиционной стратегии и протекционистских мер. Таким образом, на первый план выходят не институты, а регулирование капиталистических процессов (Райнерт, 2011). В эпоху цифровых платформ государственное вмешательство для сглаживания рыночных противоречий становится еще более актуальным (Koshkin et al., 2023).

При рассмотрении причин роста производства и экономического процветания не будет лишним упомянуть имя социолога М. Вебера, который рассматривал особенности религии как фактор успеха развитых стран. Например, наиболее благоприятными для развития капитализма он считал протестантские страны, так как религия повлияла на экономическое развитие посредством формирования деловой этики. Ценности протестантизма, по М. Веберу, были наиболее близки к духу капитализма — труду и приумножению капитала (Вебер, 2017).

Американский исследователь российского происхождения С. Кузнец, получивший Нобелевскую премию за эмпирически обоснованное толкование экономического роста, выделял 23 фактора, влияющих на экономический рост (ни один из них не был чисто институциональным). В то же время экономист вел речь о важ-

ности инвестиций в человеческий капитал, торговле и росте внешнеэкономических связей (см.: (Полидуц, 2015)). Последнее напрямую связано с географией.

Географический фактор также является достаточно значимым в экономическом развитии страны, что подтверждается результатами работы А. Маркосяна и М. Петросяна (Маркосян, Петросян, 2011). Исследователи приводят статистику, согласно которой развивающиеся страны, имеющие выход к морю, получают больше инвестиций. Авторы указывают, что география страны влияет на ее обеспеченность ресурсами, сложность построения инфраструктуры, степень риска негативного воздействия от войн в соседних странах и т. д.

На устойчивом экономическом росте и долговременном повышении уровня реального производства также отражаются политические отношения с соседними странами, степень санкционного давления, грамотность проведения монетарной и фискальной политики (Foley, Shell, Sidrauski, 1969) и многие другие факторы разного масштаба. В зависимости от предмета исследования и выбранной методологии каждый исследователь выделяет свои доминанты.

В последнее время выходит все больше работ, авторы которых стараются синтезировать различные теории, подходы и методологии. Например, социальные трагедии признаются целесообразными только в случае, если более справедливое распределение государственных расходов обеспечивается все той же институциональной эффективностью (Ayana, Demissie, Sore, 2024).

В рамках каждого направления в экономической науке рассматривается свой уникальный аспект общественных отношений, влияющий на процветание общества и рост производства. Как отмечает Ха Чхан, экономическая теория может стать лучше лишь при взаимном обогащении различных подходов (Чхан, 2017). Учет как можно большего количества факторов приведет к большей степени объективности научных исследований. В частности, институты могут быть тесно связаны с географией, религией и технологическим развитием той или иной страны.

Результаты

В количественной части исследования была рассчитана степень взаимозависимости экономической свободы отдельных стран Латинской Америки, Африки и Азии и развитости их экономик. Как в настоящее время, так и в ретроспективе корреляция ИЭС и ВВП (ППС) на душу населения не достигала настолько высокого уровня, чтобы можно было вести речь о первичности институтов среди остальных факторов экономического роста. Отдельные случаи (например, различия между Китаем и Индией, Алжиром и Эфиопией) показали, что при схожих институциональных условиях разница в реальном производственном прогрессе может быть значительная. Гипотеза исследования подтвердилась — *инклюзивность институтов не всегда является главным фактором, влияющим на уровень экономического развития стран.*

Д. Аджемоглу и А. Робинсон указали на быстрые темпы экономического развития в нелиберальных странах, таких как Китай, что является иллюстрацией временного «роста в условиях экстрактивности» (Аджемоглу, Робинсон, 2023). Однако объяснить разницу в темпах развития незападных стран, используя лишь неинституциональную методологию, все еще невозможно. Почему одни нелиберальные и недемократические государства достигают экономического успеха на определен-

ном промежутке времени, а другие — нет? На этот вопрос теория институтов комплексного и строгого ответа не дает. Вместе с тем у любого экономического успеха есть конкретные причины. Следовательно, замеченные между ВВП (ППС) на душу населения и индексом экономической свободы несоответствия с большой долей вероятности продиктованы количественными и качественными различиями во множестве других (неинституциональных) составляющих.

Заключение

Помимо инклюзивности институтов, существует множество других факторов, влияющих на благосостояние страны, — государственное регулирование, научно-техническое развитие и внедрение в производство новых разработок, политические отношения с другими государствами и т. д. (Котванов, 2023). В данной статье не отрицается значимость формальных и неформальных установлений, однако анализ количественных данных, обработанных посредством метода корреляции, подтвердил, что инклюзивность институтов — лишь один из множества факторов, определяющих динамику развития экономики. В случае со странами Латинской Америки, Африки и Азии было бы неправильным называть его абсолютно доминирующим.

Литература

- Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М.: Европа, 2007.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ, 2023.
- Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. 4-е изд. / сост. Ю. Н. Давыдов. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007.
- Котванов М. В. Влияние цифровых технологий на экономический рост // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2023. № 62. С. 190–212.
- Маркосян А., Петросян М. Влияние географических факторов на экономическое развитие стран // Региональная экономика. 2011. № 3 (14). С. 207–220.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997.
- Полидуц А. А. Природа экономического роста и факторы, на него влияющие // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. 2015. № 11 (49). С. 113–120.
- Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2011.
- Чхан Х. Д. Как устроена экономика / пер. с англ. Е. Ивченко. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Ayana D., Demissie W. M., Sore A. G. On the government revenue on economic growth of Sub-Saharan Africa: Does institutional quality matter? Cambridge: Helyion. 2024. no. 2 (10).
- Foley D. K., Shell K., Sidrauski M. Optimal Fiscal and Monetary Policy and Economic Growth. Chicago: Journal of Political Economy. 1969. no. 4 (77). Part 2.
- Koshkin A., Rakhman Khashimi S. M., Fedorov A., Protasova S., Kirilichev K. The Political Economy of Digital Platforms: Postindustrial Paradigm Against Self-replicating Market Failures // Ecosystems Without Borders 2023: Opportunities and Challenges, Switzerland: Springer Cham, 2023. 705. P. 25–32.

Статья поступила в редакцию 16.01.2024 г.;
рекомендована к печати 26.05.2024 г.

Контактная информация:

Воронин Всеволод Алексеевич — студент бакалавриата; sevvu@inbox.ru

Social institutions and economic development: A case study of the relationship between Latin America, Africa and Asia

V. A. Voronin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Voronin V. A. Social institutions and economic development: A case study of the relationship between Latin America, Africa and Asia. *Vestnik of Student Scientific Society of Saint Petersburg University. Social Sciences*, 2024, vol. 1, issue 1, pp. 101–117. <https://doi.org/10.21638/spbu36.2024.107> (In Russian)

The article deals with the problem of the impact of public institutions on the economic development of Latin America, Africa and Asia. The degree of interrelation of these two factors was determined by constructing correlation graphs and calculating the correlation value between the index of economic freedom (ECO) and GDP per capita at purchasing power parity. The relevance of the selected indicators is justified. First, all the sample countries are included in the calculation, then, to consider the relationship of these indicators in dynamics, the countries that are most seriously out of correlation. The main provisions of the historical trend of neo-institutional theory are analyzed, in the context of which specific regional cases are considered. For a more detailed consideration of correlation discrepancies, China, India and Indonesia were used in the Asian case; Egypt, Algeria, Nigeria, Ethiopia, Tanzania in the African case; Argentina, Peru, Colombia and Mexico in the Latin American case. This part of the study showed that with a lower level of economic freedom, the state's economy can show higher rates of economic growth compared to its neighbors. The empirical part of the study ends with the construction of a graph reflecting the dynamics of the ratio of EPS and GDP per capita by PPP in the last 13 years. Quantitative research has shown that economic freedom is not the main dominant factor of the level of economic development and the rate of production growth. The discussion part includes a presentation of alternative directions in political economy, which highlight other factors and dominants of production growth and economic development in general.

Keywords: institutions, extractivity, economic freedom, real production, gross domestic product, correlation, economic growth.

References

- Adzhemoglu D., Robinson J. A. *Why Some Countries are Rich and Others are Poor*. Moscow: AST Publ., 2023. (In Russian)
- Amin S. *The Virus of Liberalism: Permanent War and the Americanization of the World*. Moscow: Europe Publ., 2007. (In Russian)
- Ayana D., Wondaferahu Mulugeta Demissie, Atnafu Gebremeskel Sore On the government revenue on economic growth of Sub-Saharan Africa: Does institutional quality matter? *Cambridge: Helyion*, 2024. 2 (10).
- Chhan Ha-Jun. *How the economy is organized*. Tr. E. Ivchenko. 3rd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2017. (In Russian)
- Foley D. K., Shell K., Sidrauski M. *Optimal Fiscal and Monetary Policy and Economic Growth*. Chicago: *Journal of Political Economy*. 1969. 4 (77), Part 2.
- Keynes J. M. *General theory of employment, interest and money. Selected*. Moscow: Eksmo Publ., 2007. (In Russian)
- Koshkin A., Rakhman Khashimi M., Fedorov A., Protasova S., Kirilichev K. *The Political Economy of Digital Platforms: Postindustrial Paradigm Against Self-replicating Market Failures. Ecosystems Without Borders 2023: Opportunities and Challenges*. Switzerland: Springer Cham, 2023. 705. P. 25–32.
- Kotvanov M. V. Influence of digital technologies on economic growth. *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. 2023. 62. P. 190–212. (In Russian)

- Markosyan A., Petrosyan M. The influence of geographical factors on the economic development of countries. *Regional Economics*. 2011. 3 (14). P. 207–220. (In Russian)
- North D. *Institutions, Institutional Change and the Functioning of the Economy*. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi “Nachala” Publ., 1997. (In Russian)
- Poliduts A. A. The nature of economic growth and factors affecting it. *Vestnik of Chelyabinsk State University. Economics*. 2015. 11 (40). P. 113–120. (In Russian)
- Reinert E. S. *How Rich Countries Became Rich and Why Poor Countries Remain Poor*. Transl. N. Avtonomova; ed. by V. Avtonomov. Avtonomov; Gos. un. university — Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2011. (In Russian)
- Wallerstein I. *World System Analysis: Introduction*. 3rd ed. Moscow: LENAND Publ., 2020. (In Russian)
- Weber M. Selected. *Protestant ethics and the spirit of capitalism*. 4th ed. Comp. Yu. N. Davydov. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2017. (In Russian)

Received: 16.01.2024

Accepted: 26.05.2024

Author's information:

Vsevolod A. Voronin — Bachelor Student; sevy@inbox.ru